

О призвании ученого

Как то однажды, на собрании музейцев, посвященном обсуждению вопроса о руководителях музейными экскурсиями, председатель совещания с возмущением передавал, как образец нелепости, известный ему случай из музейно практики, когда на положении экскурсовода оказалась... машинистка.

Ну, и что же!? — думалось тогда, как и поныне пишущему эти строки. Ведь вопрос только о том, с каким успехом справилась она с этой работой? Будто мы не знаем, что бесчисленные лектора и педагоги трафаретно, механически из года в год твердящие одно и то же, суть на деле подлинные «машинисты», чтобы не сказать «Машины», в самом отрицательном значении этого слова.

И, обратно. Разве мы не знаем из истории культуры замечательных философов среди сапожников и шлифовальщиков стекольных линз? И разве мы не знаем медиков — подобных Чехову и Вересаеву, сменивший скальпель на перо писателей? Или юристов — по образованию — ставших замечательными орнитологами (Бутурлин, Дементьев)? Там — измена Гигиёе, здесь — Фемиде, к величайшей пользе и предателей, и преданных.

И разве этот внутренний разлад призвания и образования, антагонизм дела и души, не составляет заурядного явления современной жизни, преисполненной противоречий?

Таковы причины, побуждающие нас усматривать в гротесковых примерах, приведенных в качестве эпиграфа, не только блестящие Чеховского юмора, но отблески проблемы, полной самого глубокого значения и смысла, раскрывающей одну из наиболее загадочных особенностей человеческой природы — находить отраду-удовлетворение в занятиях, заведомо и совершенно чуждых материальных выгод или интересов.

Перед нами величайшая из тайн -загадка зарождения и формирования природных умственных влечений, склонностей и дарований, вопреки условиям среды, физическим природным данным, воспитанию и внешнему укладу жизни.

Это непреодолимое влечение к определенным знаниям и формам чувственного восприятия, этот могучий зов к определенным сферам умственной культуры, мы попробуем наглядно пояснить на ряде образов или примеров, взятых непосредственно из жизни.

Словно отгороженный от мира морем и затерянный в его просторе одинокий остров. Скромное селенье, лепящееся на утесе. Небольшое здание недалеко от моря. Пара зал и дюжина шкафов, заполненных коллекциями местной фауны. Остров этот — **Гельголанд** в Немецком море, в нескольких часах езды от устья Эльбы.

Упомянутый Музей — «**Нордземузеум**» в орнитологическом своем отделе — плод **пятидесятилетнего** труда любителя-натуралиста **Гётке**.

Живописец по призванию, он когда то, в молодых годах попав на этот одинокий остров, был захвачен поразительным явлением его природы и одной из величайших ее тайн — пролетом птиц, в мириадах особей и сотнях видов посещающих его утесы на пути своем в полуденные страны и по возвращению из них.

Охваченный величием картины перелетов, молодой художник-маринист сменяет кисть и краски на ружье и полевой бинокль, чтобы навсегда отдаться изучению многоголосых оперенных странников.

Полвека пребывания на острове, полвека собирания пернатых летунов легли в основу местного Музея и прекрасной книги — «**Фогельварте Хелголандс**» доставившей эпоху для Орнитологии.

С благоговением смотрел когда то автор этих строк — сам орнитолог — на обширные и незадолго перед тем осиротевшие коллекции из сборов Гётке.

Горько и обидно было наблюдать в его Музее за скучающими посетителями: так поверхностно скользил их взгляд по уникальным ценностям. «Да знаете ли Вы» — так порывалось говорить — «да знаете ли Вы, что эта маленькая птичка, родом из Даурии и регулярно посещает этот остров на пути к далекой Африки..»

Что этот свой тысячемильный перелет она осуществляет без руководства, летя впервые ночью по безвестным местностям и все же безошибочно угадывая направление полета....»

И напрасно будете Вы говорить о том, как вопреки тысяче летним наблюдениям донныне неразгаданно явление пролетов птиц, доселе неизвестны подлинные стимулы, причины, побуждающие их так своеобразно пускаться в путь, так верно находить безызвестную дорогу...

Тщетные старания! — «Ну и что же?» — спросят Вас, — «Как будто в современной авиации нет более рекордных достижений?» — «Чтобы констатировать свое незнание» — так скажут Вам — «не стоило затрачивать так много сил и времени! И то ли дело современные аэропланы, завоюющие мир и мир!»

Но и природы, более глубокие, способные к разграничению культуры от ее технической оправы, стоя перед тайной маленьких пернатых авиаторов, едва ли будут ими горячо захвачены.

И в самом деле. Долгими годами тысячи людей, натуралистов и любителей природы, посещало этот остров, привлекаемые видом его красных скал, остатков древнего Триаса, разбиваемы прибоем волн...

Веками, с незапамятных времен использовали этот остров мириады птиц, как местом отдыха при перелетах, а со времени постройки маяка, неисчислимые их полчища с немолчным кликом налетали на него в ночной тиши, чтобы мелькнув мгновением в в отсвете его лучей, бесследно потонуть во мгле, или разбитой грудью оросить его подножье...

И однако, только одному лицу, безвестному художнику-натуралисту, молодому Гэтке, суждено было податься обаянию этой стихийной жизни острова, навеки приковать себя к его утесам, стать на полувековую «вахту» для его пернатых пилигримов.

Перед нами яркое и убедительное подтверждение элементарнейшей истины, что самых поразительных картин природы недостаточно, чтобы увлечь любого человека на идейное их познание как и обратно, тот не менее общеизвестный факт, что самые простые, тривиальные явления, проходившие бесследно для миллионов лиц — оказывались полными великого значения для отдельно — избранных умов, давая повод для великих подвигов ума и сердца..

Да и в самом деле. Тысячи людей ступало по обломкам черепов зверей, валяющимся по дороге и, однако, только молодому Гете вид такого черепа внушил идею «Позвоночного происхождения, черепа».

Несметное количество людских костей прошло перед глазами множества анатомов, но только молодому Гете удалось подметить на одном из черепов наличие «межчелюстной» кости у человека, и тем самым увязать его теснее с окружающим животными миром.

Тысячи людей встречалась с первобытными народами земли но только молодому Дарвину вид дикаря на побережье Огненной Земли дал мысль об эволюционном прошлом человека.

Множество ученых посещало тропики, но только паре гениальных самоучек — Дарвину и Уоллесу — природа, каждому по своему — шепнула мысль об эволюции живого мира.

Совершенно также, только гениальному ботанику де-Фризу было суждено обосновать на тривиальном сорняке (растении Энотера Ламаркиана) современную теорию Мутаций, а Грегору Менделю — на еще более вульгарном опытном растении — горохе — подойти к разгадке тайны о Наследственности в мире организмов.

Равным образом потребовался гений Дарвина, чтобы во время путешествия в Южной Америке, при виде ископаемых костей гигантских вымерших животных, пробудить в своем уме идею эволюции, а позже, после возвращения на родину — от голубятни в Дауне перекинуть мост к вопросу о причинах этой эволюции живого мира...

Взятые, как таковые, самые причудливые образы или явления природы, как и самые обычные и тривиальные события и факты, непрестанно тщетно дефилируют перед миллионами людей, скользя по ним, не западая в них, не вызывая творческого отклика...

И только изредка, лишь кое-где, среди пассивно пребывающей толпы нет-нет и прозвучит ответная струна, свидетельствуя, что нашлись «людские резонаторы», «душевные мембраны» и «пластинки» требуемой сензитивности.

И возвращаясь к нашему исходному примеру так естественно спросить: В чем же особая и специфичная настроенность героя нашего рассказа, почему только ему, Генриху Гэтке, этому безвестному художнику было дано «отрезонировать» так жертвенно и героически на зов природы там, где миллионы лиц и множество ученых оставались безучастными?

Ответить на вопрос мы предоставим самому Генриху **Гэтке**, поясняющему во введении к своей книги цели и мотивы, побудившие его к писанию этого труда.

Начав с признания, что по причине скудости образования, мысль о «написании книги» даже отдаленно не могла бы появиться у него, Генриха Гэтке, если бы сама природа не заставила его приняться за перо, — наш автор заверяет, что толкнуло его к изучению природы и ее столь «привлекательных созданий» — страсть художника, Искусство, пролагающее путь к науке — так могло бы показаться если бы не оговорка в предисловии все той же книги.

«Еще мальчиком» — так повествует нам об ее авторе — ее издатель, Рудольф Бладиус, известный орнитолог — «еще мальчиком, он, Гэтке, интересовался наблюдениями живой природы, собирание бабочек, растений, рисованием с натуры..»

Как и в тысячах подобных случаях, призвание натуралиста коренилось в прирожденных склонностях, природных дарованиях и внешняя среда, особенности окружения — лишь поводы для пробуждения, активизации этих природных средств.

С присущей ему скромностью сам Гэтке не упоминает о своих родителях, но расскажи он нам об них, и сообщи он, что известные черты его характера могли быть унаследованы от рождения, — мы не приблизились бы к пониманию генезиса этих «прирожденных» свойств.

Что это так — об этом говорят биографии ученых «божьей милостью», больших, и малых, знаменитых и безвестных, равно, знаменательные и.. загадочные..

Из бесчисленных примеров установленных в истории науки выбираем лишь немногие, особенно наглядные, и убедительные.